PG 3337
.M29 R66

1833

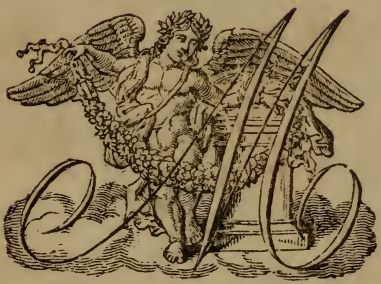
THE LIBRARY OF CONGRESS

РОМАНТИЧЕСКІЯ

Maksimov, Mikhail
Ф 236
414

ФАНТАЗІИ.

М. Максимова.



МОСКВА.

PG3337
.M29 R66
1833

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Марта 10 го дня 1833 года.

Цензоръ Николай Лазаревъ.

Въ Университетской Типографіи.
1833.

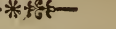
39-139 611
5-9-39

ЭПИГРАФЪ.

Не всѣмъ, не всѣмъ высокихъ пѣсней звуки
Дана способность понимать!
Рабамъ суетъ покровъ святой науки
Душой холодной не вскрывать! . .

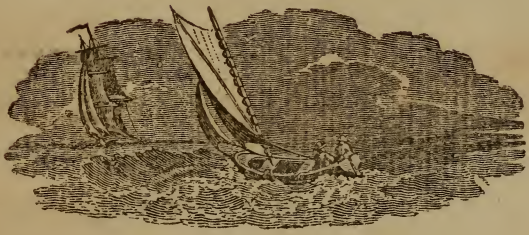
Пѣвецъ поётъ, забывъ земныя бури,
Забывъ и землю, и людей,
И радостно возводитъ взоръ къ лазури,
И слезы льются изъ очей! . .

Торжественно, и свято, и высоко,
Сіе мгновеніе пѣвцу . . .
Какъ въ этотъ мигъ онъ отъ земли далёко!
Какъ близокъ къ небу и Творцу! .



I.

ОСТРОВЪ СВ. ЕЛЕНЫ.



М. М. КАРПОВОЙ.

„Меня рисуютъ слишкомъ черно“ . . .

сказалъ Наполеонъ Королевѣ Саксонской.

Хвала! онъ Русскому народу
Высокій жребій указалъ! . . .

А. Пушкинъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Такъ не для всѣхъ, а для не многихъ,
Жизнь свѣтлыхъ радостой полна, —
Не для однихъ она убогихъ
И жестока, и холодна!

Ахъ! и чрезъ злато слезы льются,
И подъ брильянтомъ ноетъ грудь,
И часто вздохи раздаются
И тамъ, гдѣ славой блещетъ путь!...

Могущество, богатство, слава
Не доставляютъ счастья намъ —
И на землѣ на счастье право
Дано довольнымъ лишь сердцамъ.

* *
*

Хранимый рокомъ и судьбою,
Владѣлъ землей Наполеонъ,
Но, не владѣя самъ-собою,
Не могъ быть счастливъ въ жизни онъ...

* *
*

Онъ былъ могущь, но не доволенъ —
И до довольства не достигъ. . .
И быть счастливымъ былъ неволенъ,
Хоть былъ и славенъ, и великъ! . .

Но славой живъ онъ во вселенной! . .
Міръ знаетъ — кто̀ Наполеонъ! —
И сумракъ ссылки отдаленной
Его величьемъ озаренъ! . .

* *
*

И — генія цѣнить умѣя —
Вы удивляетесь ему. . .
И — памятью благоговѣя —
Несете дань его уму! . .

* *
*

Даръ пѣсней мнѣ ниспосланъ въ долю,
Я славу генія пою . . .
И пѣснь о немъ, на судъ и волю,
Вамъ, посвящая, предаю!

Но не тщеславье водитъ мною.
Я даръ мой истинно люблю —
И счáстливъ коль своей хвалою
Не омрачилъ — кого пою!

ОСТРОВЪ СВ. ЕЛЕНЫ.

I.

Въ пустынѣ моря, одинокъ,
Лежитъ далекій островокъ. . .
Съ него весеннихъ птицъ стада
Къ намъ прилетаютъ иногда.
Онѣ, средь сѣверныхъ полей,
Поютъ о родинѣ своей. . .
Ихъ голосъ милъ: унылъ и тихъ . . .
И я заслушивался ихъ!

II.

Я жадно пѣсни ихъ ловлю,
Я ихъ въ душѣ моей люблю. . .

Ихъ голосъ въ душу мнѣ вложилъ
Священный огнь . . . я полюбилъ
Мечты высокія о немъ. . .
О немъ, почившемъ хладнымъ сномъ
Ни ропотъ волнъ, ни бури вой,
Не возмутятъ его покой!

III.

О, океанъ! онъ твой былъ сынъ,
Тебѣ подобный исполинъ!
Тобою данъ былъ міру онъ,
Какъ грозный бичь земныхъ племенъ
Твои валы его внесли,
Твои валы и унесли!
Осталась память лишь о немъ,
На всемъ твореніи земномъ!

IV.

Онъ въ мірѣ былъ и міръ не зналъ:
Кто и *за чѣмъ* его послалъ. . .
Лишь нынѣ мы, сыны земли,
Проникнуть въ таинство могли:

Кто обуздалъ мятежъ умовъ,
Расторгшихъ цѣпь святыхъ оковъ...
Кто бурю міра схоронилъ,
Въ сѣни разбросанныхъ могилъ!..

V.

Родъ смертныхъ всуе мудровалъ
И буйный духъ распространялъ...
Все взволновалось! пали въ прахъ
Святыня, вѣра и — въ душахъ,
Гремящихъ бурею, людей —
Одинъ остался огнь страстей,
Безъ страха Божья, безъ любви,
Онъ разливался въ ихъ крови!...

VI.

Расторгнулся союзъ родства
И всѣ законы божества
Умолкли!.. по лицу земли
Кровавы рѣки потекли!..

Мятежный духъ въ сердцахъ пылалъ
И пламень свой распространялъ —
Все болѣ, болѣ, — наконецъ,
Воззрѣлъ на дерзкій родъ Творецъ...

VII.

„Гряди,“ — Онъ рекъ ему — „казни
Да въ прахъ повергнутся они!
Основы міра потряси
И кости дерзкихъ разнеси,
По разнымъ міра сторонамъ,
Въ урокъ грядущимъ племенамъ!..
Греми карающей грозой,
Да вострепещетъ міръ земной!...“

VIII.

Свершилось!.. Галліи сыны
Повсюду имъ разнесены:
На нашихъ сѣверныхъ поляхъ
Полночный вѣтръ разнесъ ихъ прах

Давно ужь стали кости ихъ
Добычею звѣрей лѣсныхъ —
И плугъ не разъ ужь проходилъ
Надъ мѣстомъ грустныхъ ихъ могилъ!..

IX.

Въ странѣ у знойныхъ Нильскихъ водъ
Полудня солнце прахъ ихъ жжетъ —
И надъ гробами ихъ курганъ
Возноситъ дикій ураганъ —
И часто, кости съ ихъ могилъ
Съ собой уноситъ въ море Нилъ —
И, безпріютныя, пескомъ
Заноситъ онъ на днѣ морскомъ!

X.

Въ странѣ, гдѣ древле былъ кумиръ,
Предъ коимъ преклонялся міръ,
По скатамъ и вершинамъ горъ,
Еще поднесь находитъ взоръ

Ихъ кости. . . не погребены,
Лежатъ забвенью преданы. . .
Размётаны и тамъ, и тамъ,
На волю вѣтрамъ и дождямъ! . . .

XI.

И — буйный голосъ падшихъ стихъ!
Удобрена тѣлами ихъ
Цвѣтетъ Гишпанская земля!
Войной изрытыя поля
Сравнялися и заросли
И класовъ дани принесли! . .
Но память дерзкихъ не умретъ
И перейдетъ изъ рода въ родъ!

XII.

И въ самой ихъ странѣ родной,
Гремѣвшей бурей роковой,
Зритъ странникъ длинный рядъ могилъ,
Надъ коимъ смертный слезъ не лилъ..

Но проходилъ предъ нимъ крестясь
И, съ тайнымъ страхомъ, удалясь,
О грозныхъ дняхъ воспоминалъ —
И судъ небесъ благословлялъ!

XIII.

А тотъ, кто судъ небесъ свершилъ,
Кто дерзкихъ міра укротилъ,
Урокъ оставивши землѣ,
Средь океана, на скалѣ
Пустынной, чуждый всѣхъ людей,
Съ единой славою своей,
Главу высокую склонилъ
И, безмятеженъ, опочилъ! . . .

XIV.

Надъ нимъ въ безмолвіи парятъ
Двѣ тѣни. . . Часто очи зрятъ
Объятья дружныя тѣней. . .
Изъ ихъ таинственныхъ очей

Исходитъ животворный свѣтъ. . .
Земли и неба въ немъ завѣтъ . . .
Онъ, надъ пустынною скалой, —
Горитъ безсмертія звѣздой! . .

XV.

И часто, изъ страны людей,
Къ скалѣ лежащей средь морей,
Приходитъ странница (она
Недоумѣньемъ названа)
И устремляя смутный взоръ
На тѣхъ тѣней, какъ-бы въ укоръ
Сама-себѣ, отходитъ прочь,
Какъ отъ дня уходитъ ночь!

XVI.

Да почіетъ гроза людей,
Сгорѣвшихъ въ пламени страстей,
Отъ всѣхъ насъ смертныхъ вдалекѣ,
На дикомъ моря островкѣ. . .

Ничѣмъ онъ не причастенъ къ намъ :
Онъ выше насъ! . . . его дѣламъ
Судья лишь Тотъ, Кто въ небесахъ
Судьбы вѣщаетъ о мірахъ! . . .

XVII.

Самъ Промыслъ отдѣлилъ отъ насъ
То мѣсто, Геній гдѣ угасъ! . . .
Въ дни бури дикіе валы,
Гремя о голыя скалы,
О славѣ дивнаго рекутъ!
Въ дни мира, такъ о немъ поютъ
Пернатыхъ хоры! . . Пѣснь свою
Съ ихъ тихой пѣснью я солью! . . . . .

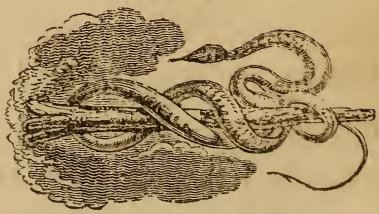
XVIII.

Благословимъ небесъ судьбы!
И, со смиреніемъ, мольбы
Да вознесетъ покорный свѣтъ,
Къ Владыкѣ и судебъ, и лѣтъ. . . .

Да притечетъ къ могилѣ сей
Духъ бурный дерзостныхъ людей
И да преклонится предъ нимъ ,
Раскаяньемъ руководимъ! . . .

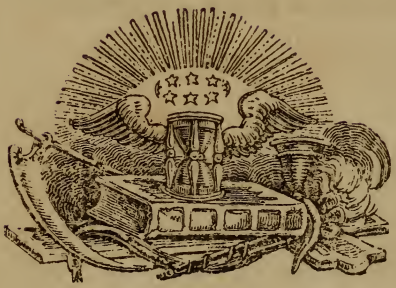
XIX.

А ты, пустынный островокъ ,
Храни великій сей залогъ. . .
И повѣствуй сынамъ земли
Какъ онъ въ печальной сей дали
Былъ твердъ , внимая реву волнъ ,
Какъ думою высокой полнъ
На небо очи возводилъ. . .
И какъ на вѣкъ онъ ихъ закрылъ! . . .



II.

ЗАОБЛАЧНОЕ СЕЛЕНІЕ.



К. Е. РИТТЕРЪ.

„Во дни, когда всѣ земныя блага оставятъ насъ, когда бѣдствія, печали и злыя раны окружатъ бренное существованіе наше въ мірѣ семъ, смертный! возведи слезящіеся очи твои на небо: тамъ есть еще для тебя и отрада, и ушѣшеніе!“ —

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Жизнь всѣмъ равно въ удѣлъ дана,
Но всѣ-ль равно ей цѣну знаютъ? . .
Блаженъ, чья жизнь течетъ ясна,
Чью душу звуки наполняютъ!

Благословляю жребій мой!
Пою довольный самъ собою:
Богатство, счастье, все со мной —
Богатъ и счастливъ я — мечтою! . .

Коль вамъ пріятенъ голосъ мой —
Я не хочу фортуны зыбкой:
И буду — сердцемъ и душой —
Доволенъ вашею улыбкой!

ЗАОБЛАЧНОЕ СЕЛЕНІЕ.

I.

Подъ голубымъ шатромъ небесъ,
За рубежёмъ земнаго міра,
Есть міръ иной, то міръ чудесъ,
То міръ таинственный эфира! . .
Въ томъ мірѣ вѣчная весна
Благоухаетъ, какъ алоэ!
Оттолѣ къ намъ, въ видѣньяхъ сна,
Слетаетъ счастіе златое! . . ,

II.

Однажды, позднею порой,
Чрезъ поле чистое, тропою,
Задумчивъ пупникъ молодой
Шелъ тихо, съ грустною душою!

Вдали виднѣлъ, за полемъ, лѣсъ
И въ немъ храмъ Божій возвышался...
Безоблаченъ былъ сводъ небесъ
И тонкій паръ по полю сплался! . .

III.

Ужь видъ окрестностей темнѣлъ
Подъ благотворной ночи сѣнью,
И мирный сонъ на нихъ летѣлъ —
И призывалъ къ успокоенью . . .
Двурогій мѣсяцъ восходилъ
Надъ полусумрачной землёю,
И плавалъ рой ночныхъ свѣтилъ,
Подъ твердью неба голубою! . .

IV.

Путемъ и думой утомлёнъ,
Младъ-пушникъ къ лѣсу приближался —
И, съ тяжкимъ вздохомъ, молвилъ онъ:
„Тамъ другъ души со мной разсталъ!..“
И покатились изъ очей,
Какъ перлы, слезы . . . и рыдая

Онъ углублялся въ сѣнь вѣтвей,
Ко храму путь свой направляя.

V.

И темнота, и тишина,
Тропинку лѣса осѣняли;
Сквозь вѣтви лишь, кой-гдѣ, луна
И звѣзды изрѣдка мелькали . . .
Но вотъ, — сталъ рѣже сводъ вѣтвей,
Тропинка шире становилась . . .
И вотъ, для путника очей,
Обитель древняя открылась.

VI.

Вокругъ стѣны, ряды могилъ
Вѣнчались тёмными крестами . . .
И путникъ, блѣденъ и унылъ,
Къ нимъ приближался, со слезами.
При свѣтѣ мѣсяца, въ тиши,
Онъ пробирался чрезъ могилы
И, смученъ скорбію души,
На землю палъ, лишенный силы . .

VII.

Хладъ смерти пробѣжалъ по нёмъ..
Всѣ мысли вдругъ остановились —
И, скованы тяжёлымъ сномъ,
Глаза несчастнаго закрылись . . .
Безчувственъ долго онъ лежалъ,
Его мгла смерти окружала . . .
Но лучь чудесный возсіялъ
И тьма съ очей его сбѣжала!

VIII.

Вдругъ подняли и понесли
Его невидимыя крылья . . .
Все далѣ, далѣ отъ земли,
Легко, свободно, безъ усилья,
Казалось, изъ лука стрѣла
Летѣть-бы не могла быстрѣе,
И въ жилахъ кровь его текла
Сильнѣй, и жарче, и живѣе! . .

IX.

Онъ чувствовалъ, какъ въ полу-снѣ,
Едва дыша отъ удивленья,
Что онъ летитъ по вышинѣ,
Въ странѣ чудеснаго творенья . . .
Печаль и скорби смолкли въ нёмъ,
Закрылось въ памяти земное,
Вокругъ него — живымъ огнёмъ
Сіяло небо голубое! . .

X.

Струился ароматъ небесъ,
Животворя и озаряя,
И въ мірѣ таинствъ и чудесъ
Онъ вдругъ узрѣлъ чертоги рая:
Отъ нихъ лучи во всѣ края,
На искры блескъ свой разсыпая
И зыби пламени струя,
Бѣжали, радугой играя! . .

XI.

Какой чудесный видъ предсталъ ,
Его очамъ обвороженнымъ ! . . .
Восторговъ полнъ , онъ трепеталъ ,
Блуждая взоромъ умиленнымъ . . .
И раскрывались передъ нимъ —
Все краше новыя картины ,
И разсыпались въ слѣдъ за нимъ
Сапфиры , перлы и рубины ! . .

XII.

Плывучій островъ облаковъ
Онъ зрѣлъ , въ эфирномъ океанѣ ,
Облитый зеленью деревъ ;
Надъ нимъ, какъ въ розовомъ туманѣ,
Носились духи , крылья ихъ
Сіяли яркой бѣлизною —
И сладко вѣяло отъ нихъ
Благоуханною струёю ! . .

XIII.

И волны ихъ златыхъ кудрей
Въ вѣнцѣ сіяли бѣлоснѣжномъ,
И пламень голубыхъ очей
Горѣлъ въ спокойствѣ безмятежномъ...
Серебротканной пеленой
Перевивался станъ волнисто
И развѣвалась надъ главой
Она дугой сребростpуистой! . .

XIV.

И дивный возвышался храмъ,
Изъ-за кудрей деревъ сѣнистыхъ . . .
Въ нёмъ воскурялся ѳиміамъ
Съ цвѣтовъ блестящихъ и душистыхъ;
Семь изумрудовыхъ колоннъ
Держали куполъ бирюзовый
И окружалъ, со всѣхъ сторонъ,
Его помостъ свѣтло-перловый . . . .

XV.

И ало-яхонтовый крестъ,
Какъ жаръ, надъ куполомъ сіяя,
Струилъ лучи свои окрестъ
Потоки водъ воспламеняя . . .
И семь растворенныхъ дверей
Прозрачно-блещущихъ, хрустальныхъ,
Въ него вели, и семь путей
Къ нему изъ странъ лежали дальныхъ.

XVI.

У вратъ златыхъ, въ сѣни оливъ
И миртовъ,—былъ источникъ чистый,
Какъ стекло, горѣлъ его разливъ
Прохладной зыбью серебристой —
И два фонтана передъ нимъ
Сребро и жемчугъ разсыпали
И, съ блескомъ радужнымъ своимъ,
Журчанья сладкій звукъ сливали.

XVII.

Здѣсь путникъ сталъ недвижимъ вдругъ,
И видитъ: отъ духовъ парящихъ
Одинъ къ нему примчался духъ,
На крыльяхъ свѣтлыхъ и блестящихъ...
Волнуясь вѣетъ пелена
Надъ головою озаренной . . .
И мыслитъ путникъ: то она! . .“
И смотритъ, молча, изумленный!

XVIII.

И, съ умиленіемъ въ очахъ,
Онъ къ ней объятья простираетъ..
И духъ, сіяющій въ лучахъ,
Къ нему главу свою склоняетъ . . .
Го чувство, коимъ полонъ былъ
Земный, среди страны небесной,
Еще никто намъ не опкрылъ —
Оно для смертныхъ неизвѣстно!..

XIX.

И нѣтъ ни словъ, ни звуковъ нѣтъ,
Намъ на землѣ для выраженья . . .
Оно свѣтло, какъ Божій свѣтъ,
Какъ о́ка Божія воззрѣнье . . .
Нѣтъ ничего земнаго въ нёмъ —
Восторгъ - земное, радость — то же
И вдохновеніе ни въ чёмъ
На это чувство не похоже ! . . .

XX.

Оно свѣтло, свѣтло, свѣтло
И тихо ! . . духъ крылами вѣялъ
И въ путника оно текло —
Какъ будто духъ то чувство сѣялъ . . .
„О путникъ жизненный!“ духъ рекъ,
„Ты былъ мой другъ въ земной юдоли,
Но днесь еще ты человѣкъ,
Еще ты рабъ земной неволи ! . .

XXI.

„Тебя отъ міра вознесло,
На мигъ, святое умиленье —
И упованье принесло
Въ край вѣчности и обновленья...
Воззри-же, жизнію полна,
Всегда цвѣтетъ страна святая!
Днемъ вѣчности горитъ она,
Сюда не ходитъ тьма ночная!..

XXII.

„Здѣсь вѣчное свѣтило Богъ —
И мы въ Его сіяемъ лонѣ..
Блаженъ тотъ смертный, кто возмогъ
Жить на землѣ въ Его законѣ...
О путникъ жизненный! терпи,
Не сокрушай себя тоскою,
Надеждой сердце укрѣпи
И душу вѣрою святою!...

XXIII.

„И ты достигнешь сей страны,
И съединишься вновь со мною,
Какъ всѣ мы здѣсь съединены,
Въ любви Творца, между собою...
Воззри на сей священный храмъ —
Къ нему открыта всѣмъ дорога:
Въ немъ жертвъ курится Фиміамъ
Сыновъ земли, во имя Бога!..

XXIV.

„Надежда, Вѣра и Любовь
Въ него отъ міра достигаютъ —
И жизни временныхъ сыновъ
Блаженствомъ вѣчнымъ освящаютъ!...
О путникъ, имъ отдай свой вѣкъ,
Ты былъ мой другъ въ земной юдоли,
Но днесь еще ты человѣкъ,
Еще ты рабъ земной неволи!...

XXV.

„Всѣхъ добродѣтелей пути
Ведутъ къ странѣ обѣтованья . . .
О путникъ жизненный, прости!
До вождѣленнаго свиданья!“ —
Духъ взвился... Путникъ трепеталъ,
Безмолвно очи устремляя . . .
Духъ выше, выше улеталъ,
Эфиръ крылами разсѣкая! . .

XXVI.

Взоръ путника темнѣлъ, темнѣлъ,
Стремленьемъ свѣта утомленный —
И — мнилося — что онъ летѣлъ
Опять къ юдолѣ омраченной . . .
Сильнѣе тьма и свѣтъ слабѣй, —
И всё сливалось и зыбилось . . .
Духъ свѣтлый скрылся отъ очей,
Душа рвалась и сердце билось!

XXVII.

Все тихо . . . вдругъ раздался звонъ!
Онъ вздрогнулъ . . . чувства пробудились —
И отлетѣлъ отъ вѣждей сонъ
И очи путника открылись:
И видитъ онъ: издалека,
Воспалены лучами утра,
Летятъ въ слѣдъ ночи облака,
Горя отливомъ перломутра. . .

XXVIII.

Предъ нимъ сѣдой монахъ стоитъ,
Склонясь на посохъ головою —
И тихо, кротко говоритъ:
„Да будетъ миръ съ твоей душою,
О юноша! возстань отъ сна
И принеси Творцу моленье:
Твоя душа скорбей полна,
Но Онъ источникъ утѣшенья!

XXIX.

„На Господа печаль свою
Возверзи днесь и укрѣпися:
Онъ рану изцѣлитъ твою!
Къ Нему душею прилѣпися! . .
Намъ всѣмъ лежать въ землѣ сырой!..
И что ужь въ ней, — невозвратимо
То на землѣ, но за землей —
Все возвратитъ намъ край родимый..."

XXX.

И путникъ на него взиралъ
Благоговѣя! . . умиленный,
Возставъ, онъ руку старцу далъ
И оба въ храмъ пошли священный. . .
Разъ только, путникъ молодой,
На крестъ могильный оглянулся —
И, съ навернувшейся слезой,
Ему привѣтно улыбнулся! . . .

XXXI.

Блисталъ росой зеленый лѣсъ,
Струился утра воздухъ чистый —
И, сладко въ вышинѣ небесъ,
Пѣлъ жаворо̀нокъ голосистый. . .
Протяжно колоколъ звучалъ,
За монастырскою оградой,
И легкій вѣтеръ повѣвалъ,
Благоуханьемъ и прохладой! . . .

XXXII.

Подъ голубымъ шатромъ небесъ,
За рубежемъ земнаго міра,
Есть міръ иной, то міръ чудесъ,
То міръ таинственный эфира! . .
Въ томъ мірѣ вѣчная весна
Благоухаетъ, какъ алòе!
Оттолѣ къ намъ, въ видѣньяхъ сна
Слетаетъ счастіе златое! . . .

—❀✻❀—

III.

РАДОСТНОЕ ПРОБУЖДЕНІЕ.

Н. Р. МАЙНОВУ.

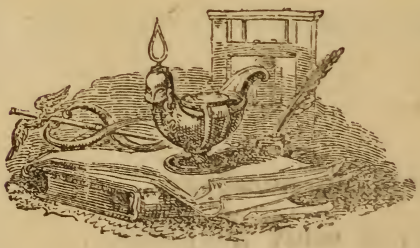
„Кто не испытывалъ грустной разлуки съ родиною, тотъ не знаетъ, какъ сладостно возвращеніе на родимый край, послѣ долговременнаго странствованія! . . “

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Я никогда не позабуду,
И васъ, и вашу доброту. . .
И гдѣ ни буду — всюду, всюду,
Я сохраню о васъ мечту!

Въ пріютѣ мирномъ Б. . . . . ова
Хоть я провёлъ не много дней,
Но много ласковаго слова
Осталося въ душѣ моей.

И сладки мнѣ о васъ мечтанья, —
И любитъ ихъ душа моя: —
Онѣ мнѣ — цвѣтъ очарованья
Въ пути тернистомъ бытія! . . .



РАДОСНОЕ ПРОБУЖДЕНІЕ.

Подъ сѣнью ночи молчаливой,
Растянутые вдоль рѣки,
Стоятъ смирители строптивой
Варшавы, Русскіе полки,
Съ побѣдой славной и счастливой...
Въ ихъ станѣ царствуетъ покой
И слышится, въ тиши ночной,
Порой лишь о́кликъ часоваго...
Луна на небѣ не горитъ,
Глубокимъ сномъ долина спитъ,
Подъ кровомъ сумрака ночнаго..
Одинъ лишь воинъ молодой
Сидитъ, съ поникшею главой,

У огонька сторожеваго!
И дума грустная лежитъ
На сердцѣ воина младаго — . . .

О чемъ душа его груститъ! . . .
Какое горе тяготитъ
Его безмолвныя мечтанья! . . .
Какъ тучи, на его челѣ
Лежатъ и скорби, и страданья,
И часто, томный взоръ къ землѣ,
И къ небесамъ, и въ сѣверъ хладный,
Онъ устремляетъ безотрадный! . . .
И часто, воина глаза
Сіяютъ грустною слезою, . . .
Но не бѣда и не гроза
Владѣютъ юною душою . . .
Въ минувшемъ онъ душой живётъ,
Онъ весь живетъ воспоминаньемъ . . .
И сердце вздохъ глубокій шлётъ
Его томительнымъ мечтаньямъ . . .

Онъ одинокъ . . . нѣтъ близь него
Ни друга, ни родныхъ его,
Въ странѣ чужой и отдаленной
Отъ родины его священной!
Тамъ, гдѣ горитъ звѣзда златая,
Надъ полунощною страной,
Тамъ родина его святая
Лежитъ, подъ снѣжной пеленой . . .
Тамъ домъ родительскій, гдѣ лѣты
Его младенчества текли,
Туда летятъ его обѣты,
Благословенья! Тамъ вдали
Все, все что только на земли
Ему и свято, и священно,
Чѣмъ только сердце можетъ жить,
Чѣмъ только жизнь ему безцѣнна . . .
Возможно ль сердцу хладнымъ быть
Когда родное отдаленно! . . .
Такъ, грусть о родинѣ священной
Нельзя отъ сердца отженить . . .

Жизнь смертныхъ такъ непостоянна,
Мятежна, бурна и — порой —
Грозитъ разлукой роковой . . .
И рѣдко, рѣдко лучь желанный
Звѣздою радости блеститъ
И душу счастіемъ даритъ — ! . .
Какъ сердце и душа страдаютъ
Воспомня про былые дни,
Когда , со славою , они
Потерю милыхъ заключаютъ . . .
Ахъ, слава счастья не даетъ! . .
Что лавръ, когда душа страдаетъ? . .
Ахъ, сколько слава жертвъ беретъ
И сколько крови проливаетъ . . .

Раскрылись воина уста
И слышенъ звукъ унылой рѣчи:
„Я одинокъ, сіи мѣста
Мнѣ не явятъ желанной встрѣчи —
И, съ милой родины моей,

Не принесутъ ко мнѣ вѣстей
Объ Ангелахъ моихъ безцѣнныхъ,
Душѣ и сердцу незабвенныхъ!..
Водимый волею судьбы,
Непостоянной и жестокой,
Я странствую отъ нихъ далеко —
И возношу за нихъ мольбы
Къ Творцу вселенной, одиноко...
И грустно мнѣ, и тяжело:
Я далеко отъ мѣстъ мнѣ милыхъ...
Катись слеза съ очей унылыхъ!
Ахъ! много время протекло
Съ тѣхъ поръ, какъ я, съ тоской и мукой,
Оставилъ родину, родныхъ,
И странствую въ земляхъ чужихъ.
Быть можетъ, грустною разлукой
Я дни ихъ скорбью омрачилъ!..
О, сколько-бы я счастливъ былъ,
Когда-бы могъ, хоть на мгновенье,
На мѣсто моего рожденья

Перенестись!.. Но — можетъ быть —
Богъ знаетъ что еще случится!
Могу-ли я предположить,
Что суждено мнѣ возвратиться?..
Какъ буря утлымъ челнокомъ —
Судьба и рокъ играютъ нами!..
Между землей и небесами
Идемъ невѣрнымъ мы путёмъ:
Сегодня въ почестяхъ и славѣ,
А завтра спимъ въ сырой землѣ . .
Располагать собой не вправѣ —
Мы странствуемъ въ безвѣстной мглѣ..
Стоять за родину святую —
Есть долгъ прекрасный, долгъ святый
Но мы не сильны участь злую
Снести безропотно душой . . .
Увы! я слезы проливаю,
Вполнѣ я это испыталъ,
И сѣтую, и унываю:

Я друга сердца потерялъ! . .
Смирить крамольную Варшаву
Мы, честью званные, пришли;
Но сколько жертвъ, за честь и славу,
Среди невѣрной сей земли,
Не окропленныхъ и слезою,
Гробъ преждевременный нашли
И, въ землю хладную, съ собою
Родныхъ надежду унесли!“ . .
Умолкъ... И — въ думу погруженный —
Отягощенною главой
Приникнулъ онъ къ землѣ сырой
И сномъ забылся утомленный . . .
И огонёкъ сторожевой
Мерцая гаснулъ постепенно —
Угасъ и слился съ темнотой . . .
И вѣтеръ утренній, съ востока,
Угасшій пепелъ развѣвалъ,
И на краю небесъ, далеко,
Разсвѣта блѣдный лучь сіялъ . . .

Заря. И — вдругъ изъ-за кургана
Раздался грохотъ барабана . . .
И быстро всадникъ подскакалъ —
И крикнулъ воину младому:
„Товарищъ! Богъ намъ радость далъ...
Все кончено! . . спѣши къ родному —
Въ предѣлы родины святой!“ . .

Воспрянулъ воинъ молодой,
— И слезы радости нежданной
Блеснули на его очахъ!
Сильнѣй и ближе на поляхъ
Громъ раздавался барабанной,
Переливаясь вдоль рѣки . . .
Свѣтлѣли небеса дневныя,
Виднѣлись Русскіе штыки —
И потянулися въ Россію
Побѣдоносные полки! . .

—⁂—

IV.

ЗОЛОТАЯ ПТИЧКА.

ЗОЛОТАЯ ПТИЧКА.

I.

Еще въ младенчествѣ, однажды, какъ-то, я
На небеса глядѣлъ порою ночи —
И, очарована, неслась душа моя
Въ тотъ ясный край, гдѣ Божьи свѣтятъ очи! . . .

II.

Забылся я . . . и вижу — вдругъ во снѣ:
Изъ синевы небесной, чистой дали,
Прекрасный духъ, въ сіяньи, какъ въ огнѣ,
Спускался надо мной — и пѣсни мнѣ звучали . . .

III.

Я, какъ-теперь, гляжу на локоны его,
Бѣгущіе съ чела волнами золотыми,
И на чудесный огнь во взорахъ у него
Блистающій лучами голубыми . . .

IV.

И на вѣнокъ, сотканный изъ лучей,
Осыпанный хрустальными звѣздами...
И разливающій блескъ радужныхъ огней,
И колебаемый воздушными струями ...

V.

Какъ сладко было мнѣ! . . . онъ былъ
передо мной
И подавалъ мнѣ птичку золотую . . .
Я взялъ! . . проснувшися, я — вмѣ-
сто птички той —
Позналъ въ душѣ къ Творцу любовь
святую!

V.

НЕБЕСНАЯ.

НЕБЕСНАЯ.

I.

Гляжу на міръ, на свѣтлый, горній
міръ . . .
Она летитъ, чрезъ волны обновленья
И пьетъ небесъ блистающій эфиръ,
Одѣтая покровомъ освященья!

II.

Я зрю её любовію дыша,
Огнёмъ любви горя и пламенѣя . .

Я зрю её и — рвется къ ней душа
Восторгами небесными свѣтлѣя ! . .

III.

Но не понять земнымъ моей любви!..
Имъ не понять моихъ очарованій . . .
Я весь плѣненъ... но нѣтъ въ моей крови
Огня земныхъ, неистовыхъ желаній !

VI.

Я весъ плѣненъ! и сладко, сладко мнѣ,
Когда гляжу ей въ очи голубыя ! . .
Я чувствую, — но выразить, вполнѣ,
Могу-ли я тѣ чувства неземныя ?

V.

Я чувствую! . . но кто меня поймётъ
Что чувствую! . . я весь, я весь свѣтлѣю . . .

И херувимъ душѣ моей поётъ
Пѣснь радости!.. я весь благоговѣю!..

VI.

И далеко бѣжитъ меня печаль,
И съ нею всѣ земные помышленья!..
Сіяютъ мнѣ и высота, и даль,
И на̀ душу нисходитъ вдохновенье!

VII.

Я весь блаженъ! земля и небеса
Ея мнѣ ликъ собой изображаютъ...
Ни даль, ни тьма, ни горы, ни лѣса,
Душѣ моей её не закрываютъ!

VIII.

Я зрю её таинственной порой,
Когда нашъ міръ покоется подъ мглою,

Когда луна, по тверди голубой,
Средь сонма звѣздъ, восходитъ надъ
землёю . . .

IX.

Я зрю её — и вся душа моя,
И сердце всё, и мысли, и желанья,
Исполнены восторговъ, бытія
Высокаго, небеснаго созданья!

X.

Я зрю её — она летитъ . . . звучатъ
Незримыя, подвластныя ей струны—
И обдаётъ летучій ароматъ —
И блещетъ ликъ.... ликъ Пери, вѣчно-
юный! . .

XI.

Весь упоенъ, — какъ погруженный въ
сонъ, —
Могуществомъ я наслажденій скованъ...

Зрю дивный міръ, земнаго отчужденъ,
Зрю дивную — и ею очарованъ!

XII.

Но вотъ... она коснулася меня!...
И жизнію земной я замираю! —
И слившись съ ней вольна душа моя!..
И я — ея дыханіе впиваю!

XIII.

И я живу божественнымъ лучёмъ,
И я небесъ блаженство постигаю!..
Блистающихъ очей ея огнёмъ
Я воспалёнъ — и жертвою сгараю!..

XIV

И мнится мнѣ: что я ужь въ той
странѣ,

Гдѣ безъ скорбей любовь и наслажденье! . .

Но . . . прерванъ сонъ ! . . я чувствую: во мнѣ

Поетъ любовь и дышетъ вдохновенье!...

VI.

МЕЧТАНІЕ.

МЕЧТАНІЕ.

I.

Одѣлся долъ ночною тѣнью.
Темна, грустна душа моя. . .
Не обоймётъ спокойной сѣнью
Сонъ благодѣтельный меня!
Зажглись небесныя свѣтилы
И въ сонмѣ ихъ плыветъ луна,
Но безотраденъ я, унылый,
Моя душа омрачена! . .

II.

Гляжу на небо я ночное, —
Тамъ и моя звѣзда горитъ. . .
Мои желанія въ покоѣ,
Но на душѣ печаль лежитъ!
Моя звѣзда отъ всѣхъ далеко,

Уединенная, горитъ —
И мой земный путь одиноко
Въ даль неизвѣстную лежитъ! . . .

III.

Хранитель мой! звѣзда родная!
Звѣзда судьбы моей! открой,
На долго ль скорбь моя земная
Продлится съ жизнію земной! . .
И коль на вѣкъ судьба лишила
Меня и благъ, и ясныхъ дней, —
То пусть хотя моя могила
Почтится памятью людей! . .

IV.

Ахъ! если хотъ одно мгновенье
Есть свѣтлое въ судьбѣ моей; —
Звѣзда моя! пусть вдохновенье

Пусть мигъ сей мнѣ даруютъ струны!
Я не хочу земныхъ отрадъ . . .
Пускай разятъ меня перуны,
Лишь пѣсни пусть мои звучатъ! . .

ЭПИЛОГЪ.

Я помню радостные дни,
Какъ перлы, свѣтятся они
На нити жизни горемычной!

Но днямъ тѣмъ больше не сіять,
И мнѣ ихъ больше не видать —
Не быть мнѣ счàстливымъ вторично!

Когда про тѣ я дни пою
Лелѣютъ сладко пѣснь мою
Минувшаго златые грёзы!

Но только стихнетъ пѣснь о нихъ
И брызнутъ изъ очей моихъ
Горючія, какъ пламень, слёзы! . . .

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Островъ Св. Елены.	5
Заоблачное селеніе.	21
Радостное пробужденіе.	41
Золотая птичка.	53
Небесная.	57
Мечтаніе.	65
Эпилогъ.	70

Hist. — 67.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066

HECKMAN
BINDERY INC.
OCT 89
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

LIBRARY OF CONGRESS

0002525028A